

DOI: 10.31648/pw.8471

ANNA PAVLOVA | АННА ПАВЛОВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>

University of Mainz, Germany

СТРУКТУРНО-ПОЛЕВОЙ ПОДХОД К СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА. ЧАСТЬ I

Structural-field approach to syntactic phraseology of Russian. Part I

ABSTRACT: The paper deals with the problems of the structural-field approach to the study of linguistic phenomena. The foundations for building a field theory in the grammatical structure of language were laid by V. G. Admoni in his works on the theoretical grammar of German. Effectively, the same approach can be applied to any language phenomenon as it has a number of advantages over classifications involving the distribution of objects in systems of level hierarchy. The paper demonstrates the advantages and possibilities of the structural-field approach. It aims at studying the field of syntactic phraseological phenomena (phraseme constructions), identifying its core, centre, periphery, and adjacent fields. Phraseme constructions belong to the linguistic system and occupy an important place in construction grammar. They are constantly reproduced in spoken language and filled in with concrete vocabulary. They are stable syntactic models of idiomatic character that are retrieved from memory as whole entities rather than by separate units (the meaning of a filled model cannot be deduced without prior knowledge of its structure and its semantics per se). The properties, namely polyelementality, reproducibility, stable syntactic structure, idiomaticity, fillability in speech, are indispensable characteristics of the phenomenon described herein: deprived of at least one of them, a construction ceases to be a phraseme. However, phraseme constructions have a larger, typical set of characteristics. In this paper, they are viewed from the perspective of an increase and decrease of these characteristics, making the study of phraseological constructions as a field whose structure is determined by multiple axes possible. The structural-field approach waives the need to make clear distinctions between linguistic phenomena with similar functionality at different levels. The use of the field approach and its methodological advantages are explained through the example of the field of syntactic phraseology.

KEYWORDS: syntactic idiomatics, syntactic pattern, illocution, prosody, structural-field approach

Введение

Статья посвящена проблематике структурно-полевого подхода к изучению языковых явлений на примере фразеологизмов-конструкций (ФК)¹. Целью автора является изучение поля ФК, выделения в нем ядра, периферийных областей и смежных с ним полей, а также выявление преимуществ подобного метода описания языковых явлений по сравнению с иными методами. Помимо структурно-полевого подхода к языковому материалу, в исследовании используются такие научные методы, как корпусный анализ, семантический анализ, категориальный анализ, компонентный анализ, контекстный анализ, метод интроспекции.

Исследование строится на основе корпусного анализа ФК и построенных на их основе примеров. Корпус создавался в течение примерно двадцати лет и насчитывает порядка 1200 синтаксических фразеологизмов на русском и немецком языках². Некоторые примеры заполненных ФК приводятся на основании данных Национального корпуса русского языка.

1. Фразеологизмы-конструкции – многомерное явление синтаксической фразеологии

Д. Н. Шмелёв (1977, 327) предложил называть «фразеосхемами» структуры, которые «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов [...]». В. Фляйшер дал этому явлению название *фразеошаблоны* (*Phraseoschablonen*) (Fleischer 1997, 131). Фляйшер характеризует фразеошаблоны как синтаксические структуры, «лексическое наполнение которых изменчиво, но которые демонстрируют своего рода синтаксическую идиоматичность»³ (*ibidem*, 131). И. А. Мельчук называет такие модели *синтаксическими фраземами* или просто *фраземами*:

Фразема АВ – это несвободное словосочетание АВ, т. е. словосочетание, которое не может быть построено Говорящим из отдельных слов по общим правилам языка; иначе говоря, 1) компоненты А и В не могут быть свободно выбраны

¹ Термин *фразеологизм-конструкция* был предложен Д. О. Добровольским. Имеются и другие обозначения для данного явления: *фразеосхема*, *синтаксическая фразема*, *синтаксический фразеологизм*, *идиоматическая конструкция*. Мы будем придерживаться здесь терминологии Добровольского. Аббревиатура *ФК* употребляется в женском роде.

² Корпус находится в личной собственности автора и публиковался до сих пор лишь фрагментарно в различных статьях и монографиях автора настоящей статьи.

³ Здесь и далее перевод оригинальных цитат с немецкого языка на русский мой – А. П.

им независимо друг от друга (парадигматические ограничения) и/или 2) эти компоненты не могут быть соединены регулярным образом (синтагматические ограничения) (Mel'chuk 2017, 68)⁴.

Иными словами, фразеологизм-конструкция – это синтаксическая модель, воспроизводимая в речи непоэлементарно, а целиком, именно как готовая модель, наполняемая определенными лексическими элементами непосредственно в речи и имеющая идиоматическую природу. Часто данная модель уже изначально заполнена некоторыми языковыми элементами – якорями⁵ (обычно это служебные или мелкие, так называемые дискурсивные слова, но встречаются и полнозначные лексемы). Кроме того, модель характеризуется определенным просодическим контуром. Идиоматичность отличает ФК от иных типов конструкций, интенсивно изучаемых в последнее десятилетие лингвистами в рамках направления, получившего название грамматика конструкций (Construction Grammar, CxG). Однако именно грамматика конструкций обеспечивает теоретическую основу и методологию для понимания фразеологического характера языка и речевой деятельности.

Рассмотрим в качестве примера ФК *всем N^{д п} N^н* (*всем мастерам мастер, всем художникам художник, всем книгам книга*), где $N^{д п}$ обозначает существительное в дательном падеже мн. ч., а $N^{н}$ то же существительное в именительном ед. ч. Эта ФК выполняет в тексте функцию суперлатива: она означает высокую оценку, похвалу. Фразовое ударение падает на $N^{д п}$, на этом же слове мелодика резко понижается, а последующее слово произносится на низкой частоте основного тона. Местоимение *всем*, повтор следующего после него существительного, употребление его сначала в дательном множественного, а затем в именительном единственного числа, место фразового ударения и описанная выше мелодическая конфигурация – величины для данной ФК постоянные, в то время как N – слот, заполняемый существительным по выбору говорящего.

Идиоматичность подобных синтаксических моделей очевидна: их смысл не выводим из суммы грамматических и лексических значений их элементов. Например, чтобы адекватно понять выражение *всем руководителям руководитель*, недостаточно знать возможные грамматические значения дательного падежа и лексические значения слов *все, руководитель*; требуется воспринимать и понимать конструкцию как нечто целое – несмотря на то, что

⁴ A syntactic phraseme is a surface-syntactic tree containing no full lexical nodes (its nodes are labeled with either lexemic variables or structural words) but possessing a specific signified, having as its signifier a specific syntactic construction, and a specific prosody, and featuring as well a specific syntactics' (Mel'čuk 1995, 215).

⁵ Термин *якорь* заимствован из работ Добровольского (см. Dobrovol'skiy 2016).

существительные в дательном множественного и в именительном единственного числа в этой конструкции в зависимости от контекста могут меняться.

Фляйшер отмечал, что при заполнении фразеошаблона соответствующим лексическим материалом возникает словосочетание или фраза, значение которых заранее определено значением самой заполняемой модели (Fleischer 1997, 131). Иными словами, синтаксическая модель сама по себе уже обладает значением, которое при заполнении слотов конкретизируется, уточняется, включается в ситуацию.

Свобода выбора наполнителей слотов далеко не абсолютна. Например, в ФК *кто-л. такой же Nⁿ, как я Xⁿ*, где X^n – не совпадающее с N существительное или группа существительного (например: *Он такой же профессор, как я балерина; Она такая же модель, как я английская королева*) – наполнителями слотов являются существительные, которые имеют лишь определенную семантику: N^n чаще всего передает род занятий или распространенную положительную оценку персоны или объекта, а в X^n заключено какое-либо «экзотическое» содержание, противоречащее представлениям окружающих о говорящем. ФК означает ироническую критику некоего общепризнанного стандарта или мнения относительно персоны или объекта, обозначенных N^n , например: *Из них такая же семейная пара, как из меня блондинка*. (НКРЯ). Аналогично обстоит дело для рассмотренной выше ФК *всем N^d рⁱ Nⁿ*. Интуитивно понятно, что свобода выбора заполнителя слота для нее ограничена определенными семантическими областями, в то время как другие в этот выбор не включаются (например, вряд ли возможны варианты **Всем детям ребёнок* или **Всем зубам зуб*).

Если ФК служит для построения ответной реплики или реплики-реакции на какое-либо действие, в ней может потребоваться слот-антоним (уже в самой модели заложена антонимия будущих заполнителей)⁶. Ср.: *Смеётесь? Как бы потом плакать не пришлось! Или: Зачем ему килька! Ему сёмгу подавай!*

Минимум свободы наблюдается в ФК, слот которых представляет собой практически прямой повтор слова предыдущей реплики контрагента и предопределён ею заранее. Ср. примеры из НКРЯ: *А вас попрошу ещё раз: ближе к делу. – Куда уж ближе!* Единственное отступление от предыдущей реплики, допускаемое данной ФК, – превращение положительной степени прилагательного или наречия в сравнительную, как в другом примере из того же источника: *«Разговор-то у меня, правда, серьёзный». Я думаю: «Куда уж серьёзней».*

⁶ В статье используются уже заполненные модели для большей наглядности изложения; такой способ представления материала позволяет до некоторой степени экономно расходовать отпущенный на статью лимит объема. Элементы, входящие в ФК, маркированы здесь полужирным шрифтом.

Есть ФК, в которых слот может быть заполнен только повтором только что прозвучавшего слова или его дериватом: *Врёшь, это ты... – Сам ты врёшь!* (НКРЯ); *Прекратите истерику! – Сами вы истеричка!*

Кроме семантических ограничений для свободы заполнения слотов имеются морфологические. Некоторые слоты ограничивают свои наполнители определенной частью речи – ср.: *Всем мастерам мастер* или *Она ещё та портниха* (вариант: *Она та ещё портниха*). Другие предполагают значительно бóльшую свободу в выборе части речи для наполнителя, например – прилагательное, глагол или глагольная группа, существительное: *Глухой – а туда же. В физике не разбирается – а туда же. Пигалица – а туда же.*

Наконец, есть ФК, в которых слот может быть заполнен целым предложением или частью предложения: *Хуже нет, когда у человека начинает развиваться комплекс неполноценности; Умеете вы настроение испортить!*

В целом вопрос о мере свободы заполнения слотов решается пока с трудом. Отсутствие каких-либо примеров для определенной ФК в Национальном корпусе русского языка нельзя рассматривать как неопровержимое доказательство наличия конкретных ограничений в свободе выбора наполнителей для слотов. Например, модель N^x на N^x не приходится, где N^x обозначает номинации временных отрезков в именительном падеже (*Раз на раз не приходится; День на день не приходится; Год на год не приходится*), судя по личному языковому опыту автора настоящей статьи, допускает лишь ограниченное количество наполнителей слотов: варианты *неделя на неделю не приходится* или *сутки на сутки не приходятся* вряд ли соответствуют литературной норме⁷. В НКРЯ имеются два (на данный момент) примера той же модели со словом *месяц*. Примеров с существительными *неделя, сутки* в НКРЯ нет. Однако это обстоятельство нельзя рассматривать как неопровержимое доказательство относительной закрытости данной модели: вполне возможно, что по мере расширения НКРЯ появятся и иные варианты. В вопросе о том, «как можно» и «как нельзя сказать по-русски», по-прежнему определяющими являются интуиция и «чувство языка» исследователя. Это создает определенные препятствия на пути объективного описания семантических и морфологических ограничений для заполнения слотов.

В любом случае, ФК являют собой область, где грамматика напрямую переплетается с лексикой, образуя нерасторжимое единство:

Возможно, применительно к речи грамматика и лексика являются вовсе не двумя системами, а прежде всего аспектами организации значения. [...] Рассматривая языковую реальность синхронно, лингвисты сталкиваются с задачей

⁷ По замечанию одной из участниц конференции, на которой обсуждался этот пример, в данной модели, возможно, существенную роль играет такой фактор, как ритм; возможно, именно поэтому среди вариантов наполнителей представлены только односложные слова.

теоретического моделирования континуума языковых явлений в области напряжения между синтаксической структурой и идиоматическим характером соответствующих конструкций. Но идея о том, что отношение между грамматикой и лексикой является континуумом, грамматистами почти никогда явно не формулируется (Feilke 1994, 306).

Этот упрек Г. Файльке несправедлив как минимум для изучения языковой системы под углом зрения «грамматики конструкций». Принципиальное стирание границ между грамматикой и лексиконом как раз лежит в основе этого подхода, при котором синтаксические модели начинают рассматриваться как элементы языковой системы (Dobrovol'skiy 2017).

Однако понимание того, что между лексикой и синтаксисом имеется теснейшая связь в виде некоторой «переходной зоны», присутствовало в лингвистике и ранее, до появления сравнительно нового в ней направления под названием «грамматика конструкций». Идея переходной зоны проистекала из осознания языковых знаков не только как слов, а как любых воспроизводимых из памяти одно- или многословных образований, как идиоматических, так и неидиоматических. Центральным пунктом в таком понимании языковой системы является человеческое сознание, память, хранящая и воспроизводящая в процессе речи единицы разных форм и разной длины как «строительный материал» для синтагматики (Pavlov 1996). Тем не менее, до появления грамматики конструкций такое – психолингвистическое по своей сути – толкование языковых знаков не приобрело общепринятой характер⁸. Сегодня ситуация в лингвистической науке изменилась: произошла смена парадигмы, а именно резкий поворот к человеческому сознанию, к антропоцентризму, психологизму, когнитивной деятельности. Категории сознания, памяти, воспроизводимости моделей и свободы выбора языковых знаков в синтагматике оказались в фокусе интереса большого количества лингвистов в самых разных странах.

Фразеологизмы-конструкции принадлежат к языковой системе и занимают в грамматике конструкций важное место. Это постоянно воспроизводимые и заполняемые в речи конкретной лексикой, устойчивые синтаксические модели, извлекаемые из памяти не поэлементно, а целиком, и имеющие идиоматический характер (смысл наполненной модели невозможно вывести, если не знать структуру модели и ее значение ещё до ее заполнения).

⁸ Несмотря на то, что грамматика конструкций зародилась ещё в 80-е годы XX века в работах Fillmore | Kay | O'Connor 1988; Goldberg 1995, 2006, до уровня получившего широкую популярность в мировой лингвистике направления эти идеи были доведены и развиты сравнительно недавно. В настоящее время данное направление переживает бурный расцвет.

Данные свойства – полиэлементность, воспроизводимость, устойчивая синтаксическая структура, идиоматичность⁹, вариативная заполняемость в речи – являются неотъемлемыми характеристиками описываемого здесь феномена: будучи лишена хотя бы одной из них, ФК перестает быть таковой. Однако ФК обладают бóльшим набором типичных для них признаков, а именно:

- неграмматикализованность;
- принципиальная открытость модели (наличие слотов);
- относительная свобода выбора при заполнении слотов лексикой;
- наличие у модели семантики (чаще всего иллокутивной) и возможность ее описать;
- преобладание служебных и дискурсивных слов в роли постоянных элементов модели (якорей);
- конкретный, имманентный модели просодический контур;
- стилевой регистр чаще разговорный и экспрессивный. С этим связана высокая степень распространенности ФК в первую очередь в бытовой диалогической речи;
- неограниченность синтаксических ролей (наполненная ФК может выступать в предложении как подлежащее, предикат, обстоятельство, модальная «вставка», придаточное, часть главного);
- высокая степень вовлеченности в контекст: многие ФК служат, например, в качестве синтаксического остова только ответных реплик диалога; другие, хотя и могут употребляться в начальных фразах какого-либо диалога или монолога, тем не менее, «утоплены» в конкретную ситуацию речи и только в ней могут быть интерпретированы; третьи выступают как важные элементы логической связи между отрезками текста.

Как видим, фразеологизмы-конструкции – явление многомерное. Как показывает материал, собранный в корпусе ФК, многие из приведенных здесь характерных признаков могут быть выражены в той или иной степени, вплоть до их полного исчезновения. (И нужно полностью убрать постраничную сноску!). Неизбежно возникает вопрос: как рассматривать какие-либо образования, в которых один из типичных признаков выражен слабо или вовсе не выражен? На этот вопрос отвечает подход, который принято называть структурно-полевым методом изучения языковой системы.

⁹ Идиоматичность присуща ФК в разной степени, что позволяет классифицировать их по шкале идиоматичности (ср. три категории в работе: Melikyan 2004, 45 и др.). Однако в настоящей статье свойство «идиоматичность» рассматривается как единый параметр.

2. Структурно-полевой подход к языковой системе

Такой подход опирается на идею Ф. де Соссюра о значимости (ценности) языкового знака: идентичность знака познается только через его отношения с другими, сопоставимыми с данным, знаками. Знак постигается через его место в системе других знаков, с которыми у изучаемого знака есть что-либо общее (Saussure 1959, 117). Ср. в связи с этим высказывание В. М. Жирмунского:

Классификация объектов науки, существующих в реальной действительности, в природе или обществе, на самом деле вовсе не требует той формально-логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий. Она требует только правильного описания системы признаков, определяющих тип явлений (1968, 8).

Первоначально идею континуума языковых знаков, образующих определенные поля согласно выделяемому в них основному признаку, была сформулирована в работах Г. Ипсена, Й. Трира, В. Порцига и ограничивалась изучением лексики. В. Г. Адмони перенес ее в сферу грамматики; ему же принадлежит заслуга в детальной разработке этой идеи:

Для структуры значения грамматической формы при его сложном составе типичны не дискретность, а образование некоего сложного континуума, который здесь и обозначается термином «поле». Этим не отрицается, естественно, что иногда подобная дискретность возможна. Но внутри отдельных синтаксических функций грамматической формы она является, скорее, исключением. [...] Задача дальнейшего исследования в соответствующих областях речевой деятельности с точки зрения грамматики состоит не в том, чтобы сместить границы между тем, что получило свою грамматическую фиксацию, и тем, что такую фиксацию не получило, а в том, чтобы показать, как разнообразные прагматические и текстовые явления широчайшим веером, обширной периферией располагаются вокруг определяемого грамматического ядра. Этим не отрицается, конечно, и наличие некоторой переходной постоянно сдвигающейся зоны между этим ядром и этой периферией, но ядро все же есть ядро, а периферия – периферия (Admoni 1979, 27).

Характеризуя какое-либо грамматическое явление, Адмони исследует полноту и максимальную интенсивность признаков данного явления (грамматической категории) в центре полевой структуры и их разреженность и ослабление на периферии. В этой же связи полезно напомнить известные слова Л. В. Щербы:

[...] Как и везде в языке (в фонетике, в «грамматике» и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике

– в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста (1975, 64).

Щерба и Адмони были продолжателями идей Пражского лингвистического кружка, развившего представление о языке как о функциональной системе и определявшего язык как систему средств выражения, служащих конкретной цели.

Идеи Адмони были подхвачены и претворены в научную практику его учениками и соратниками. Так, А. В. Бондарко развил и конкретизировал понятие поля в грамматике, уделяя при этом особое внимание типологии полевых структур, а также аспектам полевого структурирования, наиболее существенным для анализа языкового материала, в особенности его трактовке в направлении от функции к форме (Bondarko 1983, 1984). Другим последователем Адмони был В. М. Павлов, всю жизнь придерживавшийся структурно-полевого подхода при изучении любых языковых явлений:

В языке трудно найти противопоставления пар классов явлений, границы которых, улавливаемые определениями, обобщающими признаки максимально специфических представителей соответствующих классов, не имели бы в тех или иных отношениях [...] «размытый», «текучий» характер. [...] Важнейшую роль в обеспечении континуальности языковой (парадигматической) системы играют в ее структуре «промежуточные» звенья. [...] Полевой подход органически вращивает в себя принцип содержательных («естественных») классификаций и вместе с этим принципом устраняет препятствия на пути к логически непротиворечивой интерпретации промежуточных узлов в структуре языковой системы, осложненных объективной двойственностью, присущими им внутренними противоречиями (Pavlov 1998, 32-33).

Попробуем применить данный подход к исследованию признаков ФК.

3. От центра к периферии. Примеры невыраженности или ослабленности выражения типичных признаков

Фразеологизмы-конструкции, как и все прочие феномены и категории языковой системы, представляют собой полевою структуру, в ядре которой располагаются те модели, где наличествуют в интенсивной степени все перечисленные в разделе 1 типичные черты (признаки). По мере ослабления того или иного признака ФК, согласно структурно-полевому подходу, отходит от ядра поля и приближается к его периферийной области по оси, заложенной

данным признаком, а возможно, и к самой границе или даже оказывается за пределами данного поля, перемещаясь в смежное с ним.

Рассмотрим по порядку ослабление или отсутствие каждого из перечисленных в предыдущем разделе признаков.

3.1. Неграмматикализованность

ФК составляют только часть общей массы конструкций, значение которых непрозрачно, не выводимо из суммы составляющих их элементов. Идиоматичность является неотъемлемой чертой любой ФК. Однако определенной степенью идиоматичности обладает любая конструкция¹⁰.

Так, если не знать, что конструкция «дательный существительного или личного местоимения + инфинитив» (*Тебе водить! Сергею Николаевичу принимать лекарство?*) обладает модальным значением (долженствование, пожелание, неизбежность и др.), то ее невозможно понять адекватно (Падучева 2017). Конструкции, включающие дательный существительного или личного местоимения, предикативные отрицательные местоимения с «не» и инфинитивы (*Улица корчится безъязыкая – ей нечем кричать и разговаривать*), имеют также определенное грамматическое значение, поддающееся описанию в учебниках и справочниках по грамматике (см. Падучева 2011). Аналогичное ограничение на возможность понимания без предварительного знакомства с заполненной конкретной лексикой конструкцией наблюдается для огромного количества полилексемных структур, которыми мы пользуемся в речи.

Попытка отграничить поле ФК от остальной массы конструкций¹¹ проходит по критерию «грамматикализованность»: в отличие от конструкций типа рассмотренных выше, ФК чаще всего не поддаются обобщению и абстрагированию до уровня выражения определенных грамматических категорий; они в этом отношении нестандартны, индивидуальны, им не находится места в пособиях по грамматике.

Однако между ФК и грамматикализованными конструкциями есть и области пересечения: ведь многие ФК имеют значения, совпадающие с грамматическими категориями (уступительность, модальность неуверенности, модальность пожелания и др.). Правда, обычно эти грамматические значения отягощены ещё какими-либо иллокутивными со-значениями, а также экспрессивностью, однако факт пересечения полей грамматических конструкций

¹⁰ Any linguistic pattern is recognized as a construction as long as some aspect of its form or function is not strictly predictable from its component parts or from other constructions recognized to exist. In addition, patterns are stored as constructions even if they are fully predictable as long as they occur with sufficient frequency (Goldberg 2006, 5).

¹¹ В статье (Avgustinova | Iomdin 2019) предлагается классификация различных явлений, называемых конструкциями.

и ФК налицо. Например, конструкция с инфинитивом совершенного вида и с частицей *бы* (*Узнать бы его имя!*) входит в аферу пересечения грамматикализованных структур для выражения модальности желания и ФК, обладающих всеми типичными чертами этого класса языковых явлений.

3.2. Наличие vs. отсутствие слотов

При отсутствии слотов, но при наличии всех прочих перечисленных в разделе 1 признаков, мы получаем «готовые» идиоматические фразы-формулы типа: *С лёгким паром! Приятных снов! Не на того попал! Не тут-то было!* Здесь уже заканчивается поле ФК и начинается соседствующее с ним поле фразеологических высказываний-формул. С ФК их роднят прежде всего идиоматичность, разговорность, экспрессивность, иллокутивная семантика, важная роль просодического контура. Однако отсутствие свободы при заполнении структуры (и, следовательно, отсутствие слотов) не позволяет признать их ФК, а заставляет рассматривать как ближайших «соседей», за пределами изучаемого поля.

Между ФК и готовыми фразами-формулами наблюдаются и пересечения: имеется некоторое количество конструкций, которые могут выступать и как постоянная составляющая больших синтаксических образований (и в этом смысле представляют собой постоянный элемент ФК, за которым следует некоторый открытый для свободного заполнения слот), и как самостоятельные фразы-формулы, семантико-прагматически «утопленные» в контекст. Например, (*вот*) *то-то и оно*: данное образование можно рассматривать и как начало ФК, если за ним следует придаточное (*Вот то-то и оно, что ничего от этого не изменится*), и как самостоятельную фразу-формулу: *Вот то-то и оно*. Аналогично ведут себя конструкции *и на том спасибо, так-то оно так, ну и ладно* и многие другие: они могут выступать и как самостоятельные формульные фразы, и как часть более сложных синтаксических построений¹².

Пересекаются и следующие явления: имеется несколько фраз с одинаковым началом и одинаковым смыслом, но с различными наполнителями, например: *Спасибо на хлеб не намажешь | Спасибо не булькает | Спасибо в карман не положишь*. Эти фразы служат ответными репликами на выражение благодарности и по своей текстовой функции являются завуалированным требованием материального выражения благодарности (впрочем, часто в живой речи требование оборачивается шуткой). Можно считать, что перед нами принципиально открытая структура-схема *Спасибо* [подлежащее] + ... [предикат с отрицанием]¹³, но можно рассматривать все эти вариан-

¹² Ср. у Александра Галича: *Схлопотал он строгача – ну и ладушки* (текст песни «Красный треугольник»).

¹³ Примечательно, что наречие *спасибо* в подобных ответных репликах субстантивируется.

ты и как готовые, синонимичные по иллокуции (,материальное выражение благодарности было бы предпочтительнее', шутливо) фразы-формулы, число которых конечно.

3.3. Мера свободы в заполнении слотов

Мера свободы в выборе наполнителей слотов варьирует от двух-трёх вариантов до поистине неограниченного количества, хотя обычно и в рамках какого-либо семантического поля, позволяющего реализовать соответствующую иллокуцию и организовать коммуникативную связность текста. Предположительно ядро поля по параметру «мера свободы заполнения слотов» располагается в области, позволяющей относительно свободно заполнять слоты, но при этом эта свобода ограничена определенными семантическими, а часто и морфологическими параметрами. Например, ФК [Ну] *кто так V наст.?* (*Кто так паркуется? Ну кто так моет посуду?*) допускает на роль заполнителя слота, с одной стороны, большое количество различных глаголов, с другой обнаруживает ограничение на их семантику: обычно это глаголы, обозначающие какое-либо практическое действие, которое можно оценивать по шкале «хорошо / плохо» в соответствии со стандартами или ожиданиями. ФК обозначает критику качества выполнения деятельности. Есть и морфологическое ограничение: глагол должен употребляться в настоящем времени (ср.: **Ну кто так припарковался?*).

Дальше от ядра поля располагаются ФК, слоты которых могут быть заполнены почти без ограничений. Так, говорящий свободен выстроить придаточное предложение по модели *Хорошо ещё, что ...*, пользуясь практически неограниченной свободой творчества¹⁴, но будучи при этом вынужденным сохранять логическую связь с ситуацией речи, а также с обыденной логикой и с общепринятыми стереотипами. Ведущим фактором при выборе вариантов для заполнения слота является значение: в придаточном должно быть выражено содержание, не противоречащее семантике ФК, которую можно сформулировать как: ,что-л. вызывает отрицательные эмоции, но на этом фоне есть некоторое явление, которое радует; надо помнить, что могло быть гораздо хуже'.

По мере ограничения свободы выбора ФК также покидает область центра поля и перемещается ближе к периферии, расположенной на другом конце той же оси. Например, крайне мало возможностей для заполнения модели *хоть + Imperativ* со значением ,положение отчаянное': *хоть плачь, хоть волком вой, хоть караул кричи, хоть застрелись, хоть стреляйся, хоть задавись, хоть топись, хоть вешайся, хоть руки на себя наложи, хоть в петлю лезь.*

¹⁴ В НКРЯ обнаруживается около 750 примеров, построенных на основе данной ФК.

Свобода заполнения этой схемы с данным значением ограничена определенным набором лексем, обозначающих крайнее эмоциональное напряжение или способ добровольно уйти из жизни. В то же время другие лексемы из того же семантического поля были бы неуместны, ср.: **хоть рыдай*, **хоть самоубийство совершай*, **хоть вены вскрывай*, **хоть яд принимай*. Наличие целого набора наполнителей не позволяет отнести какое-либо из приведенных выражений к традиционной идиоматике: слишком много однородно построенных ФК с одинаковым значением имеется в языке. Однако периферийное, особое положение подобных конструкций в поле ФК не вызывает сомнения¹⁵.

В некоторых моделях, выступающих в функции ответных реплик, свобода полностью отсутствует, так как ответ предопределен предыдущей репликой: *Дурак! – От дурака слышу!*; *Мазурик! – От мазурика слышу!* и т. д. Тем не менее, перед нами ФК (*От N^{ng} слышу!*, где *N^{ng}* – повторенное из реплики контрагента существительное в родительном падеже, обычно бранной, уничижительной семантики), так как это принципиально открытая модель, заполнение которой предопределено не на уровне языковой системы, а на уровне конкретного диалога.

Высокая степень несвободы заполнения слотов не лишает нас права рассматривать данную модель как ФК, но такого рода модели явно не располагаются в центре изучаемого поля.

Проблематика ограничения ФК от смежных с ними явлений волнует многих исследователей. Об этом пишет, например, Добровольский:

Континуум между фразеологизмами-конструкциями и свободными сочетаниями с трудом поддается классификации. Так, некоторые из клефтообразных структур русского языка интуитивно хочется включить в класс фразеологизмов-конструкций, а другие – нет. Ср.: *только и X, что Y (только и говорят, что об этом происшествии)* – фразеологизм-конструкция, а *X что, Y? (Он что, вернулся?)* – нет. Одна из причин заключается, видимо, в том, что одного лишь служебного слова *что*, хотя и употребленного здесь в особом значении, в качестве лексического «якоря» недостаточно для отнесения всей структуры к сфере фразеологии. Другая причина видится в том, что на заполнение «пустых мест» во фразеологизмах-конструкциях обычно существуют семантические ограничения (2016, 12-13).

¹⁵ Вообще подобные явления для фразеологии представляют особый интерес. С одной стороны, продуктивность конструкции не вызывает сомнений: не случайно по той же схеме построены некоторые лексические фразеологизмы (*хоть шаром покати*), а также ФК со значением, чего-л. очень много' (*хоть завались, хоть залейся*), а также ФК со значением 'неприменно нужно что-л. сделать' (*Хоть умри, а план выполни; Хоть сдохни, но работу сделай*), что дает основания считать данную схему многозначной. С другой стороны, и в области приведенных здесь значений есть лишь определенный конечный набор возможных наполнителей слотов, а их синонимы не допускаются. Получается, что схема продуктивна и непродуктивна в одно и то же время. Имеются и другие схемы подобного рода.

Представляется, что применяя структурно-полевой подход, можно вести речь о том что по критерию «свобода заполнения слотов» конструкция *только и X, что Y* составляет ядро поля, в то время как модель *X что, Y?* располагается на его периферии.

Библиография

- ADMONI, V. G. (1979), *Struktura grammaticheskogo znacheniya i yego status v sisteme yazyka*. In: Admoni, V. G. (ed.), *Struktura predlozheniya i slovosochetaniya v indoevropayskikh yazykakh*. Leningrad, 6-36. [Адмони, В. Г. (1979), Структура грамматического значения и его статус в системе языка. В: Адмони, В. Г. (ред.), Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Ленинград, 6-36.]
- AVGUSTINOVA, T. | ЮМДИН, Л. (2019), *Towards a Typology of Microsyntactic Constructions*. In: *Computational and Corpus-Based Phraseology. Third International Conference, Europhras 2019*. Malaga, 15-30.
- BONDARKO, A. V. (1983), *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii*. Leningrad. [Бондарко, А. В. (1983), Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград.]
- BONDARKO, A. V. (1984), *Funktsional'naya grammatika*. Leningrad. [Бондарко, А. В. (1984), Функциональная грамматика. Ленинград.]
- DOVROVOL'SKIY, D. O. (2016), *Grammatika konstruksiy i frazeologiya*. In: *Voprosy yazykoznanija*. 3, 7-21. [Добровольский, Д. О. (2016), Грамматика конструкций и фразеология. В: Вопросы языкознания. 3, 7-21.]
- DOVROVOL'SKIY, D. O. (2017), *Grammatika i frazeologiya: tochki peresecheniya*. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 76 (1), 5-14. [Добровольский, Д. О. (2017), Грамматика и фразеология: точки пересечения. В: Известия РАН. Серия литературы и языка. 76 (1), 5-14.]
- FEILKE, H. (1994), *Common-sense-Kompetenz: Überlegungen zu einer Theorie des „sympathischen“ und „natürlichen“ Meinens und Verstehens*. Frankfurt am Main.
- FILLMORE, C. J. | KAY, P. | O'CONNOR, M. (1988), *Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of 'let alone'*. In: *Language*. 64 (3), 501-538.
- FLEISCHER, W. (1997), *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen.
- GOLDBERG, A. (2006), *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. New York.
- GOLDBERG, A. (1995), *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago.
- MEL'CHUK, I. A. (2017), *Как...так и...: chto eto za?* In: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (33), 67-85. [Мельчук, И. А. (2017), Как... так и...: что это за? В: Русский язык в научном освещении. 1 (33), 67-85.]
- MEL'ČUK, I. (1995), *Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics*. In: Everaert, M. et al. (eds.), *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, 167-232.
- MELIKYAN, V. Y. (2004), *Sovremennyurusskiy yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya*. Rostov-na-Donu. [Меликян, В. Ю. (2004), Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. Ростов-на-Дону.]
- PADUCHEVA, Y. V. (2011), *Otritsaniye. Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki*. In: <http://rusgram.ru>. [Падучева, Е. В. (2011), Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. In: <http://rusgram.ru>.]
- PADUCHEVA, Y. V. (2017), *Konstruktсии s nezavisimym infinitivom. Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki*. In: <http://rusgram.ru>. [Падучева, Е. В. (2017),

- Конструкции с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. In: <http://rusgram.ru>]
- PAVLOV, V. M. (1996), *Polevyuystruktury v stroe yazyka*. St.-Peterburg. [Павлов, В. М. (1996), Полевые структуры в строе языка. Ст.-Петербург.]
- PAVLOV, V. M. (1998), *Polevoy podkhod i kontinual'nost' yazykovoy sistemy*. In: Bondarko, A. V. (ed.), *Obshcheye yazykoznanie i teoriyagrammatiki: Materialy chteniy, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya Solomona Davidovichakatsnel'sona*. Sankt-Peterburg, 22-27. [Павлов, В. М. (1998), Полевой подход и континуальность языковой системы. В: Бондарко, А. В. (ред). *Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона*. Санкт-Петербург, 22-27.]
- SAUSSURE, F. de (1959), *Course in general linguistics*. New York.
- SHCHERBA, L. V. (1975), *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku*. Moskva. [Щерба, Л. В. (1975), *Избранные работы по русскому языку*. Москва.]
- SHMELEV, D. N. (1977), *Sovremennyurusskiy yazyk. Leksika*. Moskva. [Шмелев, Д. Н. (1977), *Современный русский язык. Лексика*. Москва.]
- ZHIRMUNSKIY, V. M. (1968), *O prirode chastey rechi i ikh klassifikatsii*. In: Zhirmunskiy V. M. | Sunik, O. P. (eds.), *Voprosy teorii chastey rechi (na materiale yazykov razlichnykh tipov)*. Leningrad, 7-33. [Жирмунский, В. М. (1968), *О природе частей речи и их классификации*. В: Жирмунский В. М. | Суник, О. П. (ред). *Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов)*. Ленинград, 7-33.]

